

логия жилищ туркмен, предлагаемая Я. Р. Винниковым (стр. 149 и сл.). Осветив вопросы транспорта и связи (стр. 177—178), автор переходит далее к проблеме одежды и украшений. Не являясь специалистом в этой области, могу только отметить богатство и разнообразие собранного в разделе материала и удачную, на мой взгляд, локализацию комплексов костюма.

Предпоследняя, четвертая глава посвящается исследованию семьи и семейного быта. Полагаю, что автор верно характеризует туркменскую семью середины XIX в. как большую патриархальную, превращавшуюся в неразделенную, а затем в малую (стр. 228). Основываясь главным образом на материалах области Средней Амударьи, Я. Р. Винников анализирует состав семьи, положение ее членов. При этом он справедливо отмечает различия в составе семьи у разных социальных прослоек. Автор очевидно прав, высказывая мнение о том, что взаимоотношения членов семьи в неразделенных и малых семьях во второй половине XIX в. были теми же, что и в более ранних больших патриархальных семьях (стр. 229). Интересны параграфы, где описываются разделы больших семей (стр. 230 и сл.), исследуются проблема калыма, левирата и другие явления. При этом автор широко пользуется материалом по разным группам туркмен (стр. 235 и сл.). Образно описаны старинные семейно-брачные обряды.

Заслуживают внимания разделы о борьбе за распределение женщины и ее положении в настоящее время, о современной семье у туркменских колхозников. Единственное замечание — это недостаточно глубокий анализ практических задач, стоящих в связи с этими проблемами.

Автор уделяет много внимания современным свадебным обычаям, воспитанию детей и другим вопросам современной семейной жизни.

В последней главе Я. Р. Винников говорит о культурной революции и общественной жизни сельского населения Туркменской ССР. Глава невелика по объему (стр. 279—307), но достаточно полно характеризует затронутые проблемы и суммирует огромные сдвиги, происшедшие в туркменском ауле за годы Советской власти.

В кратком заключении (стр. 308—311) автор дает сводку основных вопросов, затронутых в исследовании, и перечисляет главные выводы.

В рецензируемом труде поднято множество вопросов, это и характерно для задач монографического исследования. Естественно, что в рецензии нашли отражение не все проблемы, охваченные Я. Р. Винниковым, и я счел нужным остановиться главным образом на тех вопросах, которые представляются мне наиболее существенными. Думаю, что в целом труд Я. Р. Винникова следует высоко оценить. Хотя он и содержит отмеченные выше пробелы и неточности, неизбежные, впрочем, в любой работе, его научное и исследовательское значение несомненно. Едва ли во всех пробелах следует винить автора. Зачастую их причина — недостаток фактического материала, ныне уже невозполнимого, теоретическая неразработанность отдельных вопросов. Большая часть моих наиболее серьезных замечаний носит дискуссионный характер и не связана с оценкой работы и ее научной значимостью.

Г. Е. Марков

Археология, этнография, искусствоведение Молдавии (материалы и исследования). Кишинев, 1968, 185 стр., илл.

Рецензируемый сборник издан Институтом истории Молдавской Академии наук. По своему содержанию он распадается на два больших раздела: «Исследования», куда входят десять статей, посвященных различным вопросам археологии, этнографии и искусства Молдавии, и «Материалы», в котором помещены 8 статей, характеризующих главным образом новые археологические находки.

Само появление такого сборника (а он уже не первый, хотя предыдущие выпуски преимущественно касались вопросов археологии) говорит о том, что в Молдавии за два десятилетия создана самостоятельная школа исследователей, смело вводящая в научный оборот новые данные об историческом прошлом и современном состоянии народов, населяющих республику.

В небольшой рецензии невозможно подробно рассмотреть все статьи сборника. Да это и не нужно. Пусть сам читатель вынесет свое суждение о его содержании в целом. Здесь хочется сказать лишь о том, что является принципиально новым, а также остановиться на статьях, которые по тем или иным причинам вызывают определенное возмущение.

В разделе «Исследования» безусловно привлекут внимание этнографов статьи М. В. Маруневич, М. Я. Лившица, Э. Я. Рикмана и Л. Л. Полевого.

Работа М. В. Маруневич «Народное жилище гагаузов Чадыр-Лунгского района Молдавской ССР (на материалах сел Баурчи, Гайдары, Беш-Гиоз, Джолтай, Казаклия)» (стр. 31—50) основана главным образом на полевых материалах автора. В ней рассматривается один из важнейших элементов материальной культуры гагаузов — народа, который до сих пор еще в значительной степени остается загадкой для мировой этнографической науки. Уже за одно это автор заслуживает признательности. Но не в этом его главная заслуга. М. В. Маруневич исследует историю гагаузского народного жилища на протяжении XIX—XX вв., уделяя большое внимание современному этапу его разви-

тия. Серьезный анализ изучаемого материала позволил автору проследить историю жилища, выявить влияния, которые оно испытало под воздействием окружающих народов (преимущественно молдаван и болгар) и показать тенденции его современного развития в результате социалистического переустройства всего уклада жизни гагаузов.

М. Я. Лившиц в работе «Новые черты в развитии живописи Молдавии конца 50-х начала 60-х годов» (стр. 61—71) исследует творчество таких талантливых и самобытных художников, как М. Греку, В. Руссу-Чебан, Г. Синчук, И. Вьеру и др. Автор справедливо отмечает, что в изучаемое десятилетие в творчестве этих художников наметился заметный перелом, смысл которого состоит в преодолении иллюстративности и углублении идейной и эмоциональной выразительности их произведений. Не отказываясь от национального своеобразия, эти художники ищут более эффективные средства художественной выразительности. Это привело их к созданию значительных произведений, вошедших в сокровищницу искусства не только Молдавской республики, но и всей страны.

Э. А. Рикман в статье «Памятники искусства I тысячелетия н. э.» (стр. 82—99) анализирует народное искусство сармат, племен черняховской культуры и гуннов, представленное на молдавской территории. В небольшой работе автор сумел показать широкую картину развития прикладного искусства у древних насельников края, выявить его исторические корни и связи с искусством различных племен и народов, населявших в те времена территорию нашей родины. А связи эти были весьма широки. В различные исторические этапы они охватывали такие далекие для того времени области, как Подунавье, Поволжье, Прикубанье, Крым, города Боспорского царства, античные города Северного Причерноморья (Херсонес, Танаис). Э. А. Рикман убедительно доказывает, что искусство первой половины I тысячелетия н. э. в Молдавии находилось под мощным воздействием позднеантичного искусства. Традиционное искусство местных племен продолжало развиваться и после гибели позднеантичного общества и оказало влияние на формирование и облик произведений искусства Молдавии во второй половине I тысячелетия.

Очень хороша, на наш взгляд, работа Л. Л. Полевого «Культурно-исторические традиции в средневековой поливной керамике с орнаментом сграффито Карпато-Дунайских земель» (стр. 125—135). Тончайший анализ изучаемого орнамента позволил автору выделить в общем комплексе поливной керамики, распространенной в эпоху средневековья от Карпат до Дуная, два вида — валахский и молдавский. Он убедительно доказывает, что если первый вид орнамента развивался в значительной степени под влиянием византийской традиции, то второй впитал в себя не только византийскую, но и почти в равной степени крымско-закавказскую традицию. Это важный шаг в решении проблемы о тех связях и влияниях, в условиях которых формировалась культура молдаван в эпоху средневековья.

Второй раздел сборника «Материалы» в целом заслуживает самой высокой оценки. Очень интересны здесь сообщения Н. А. Демченко «Земледельческие орудия в молдавской фресковой живописи Воронечского монастыря (XVI в.)» (стр. 142—148), Г. И. Спатару «Взаимосвязь между молдавским профессиональным и народным драматическим искусством в XIX — начале XX вв.» (стр. 149—153) и Э. А. Королевой «Молдавский танец на русской сцене XIX в.» (стр. 154—160). Теплое чувство вызывает работа А. С. Киртоки «И. К. Карпенко-Карый в Молдавии» (стр. 161—168) о классике украинской драматургии и превосходном актере И. К. Карпенко-Каром, о влиянии его творчества на молдавскую интеллигенцию вообще и театр в частности. Интересны и новые археологические материалы сборника. Однако некоторые статьи этого раздела все же не могут полностью удовлетворить.

Недоумение вызывает, например, работа В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич «Некоторые стороны процесса сближения культуры гагаузского населения Молдавской ССР с культурами соседних народов» (стр. 136—141). Что это — самостоятельное исследование или же только первоначально осмысленный материал к будущему исследованию? Как бы осторожно авторы ни называли свою работу, но ни для раздела «Исследования», ни для раздела «Материалы» в ней не хватает именно последних. А данные статистической таблицы о смешанных браках в гагаузских селах, хотя авторы и оговаривают эти данные, опровергают их выводы, выраженные в столь общей форме, что с ними трудно спорить. Процессы сближения различных национальных культур в нашей стране идут повсеместно. Но в данной работе выводы звучат уж слишком декларативно, так как основываются не на анализе явлений современного процесса сближения народов, а только на их сжатом, поверхностном описании. Например, авторы выделяют два направления в происходящем ныне процессе сближения гагаузской культуры с инонациональной: с одной стороны, гагаузы сближаются с окружающими их народами, в первую очередь с молдаванами, с другой — создаются, особенно в поселках городского типа, какие-то общесоветские формы культуры, носителями которой является преимущественно интеллигенция. Но говоря об этом втором направлении культурного сближения народов, авторы по совершенно непонятным причинам игнорируют значение в этом процессе так называемой смешанной школы, распространенной в гагаузских районах Молдавской ССР. В этой школе преподавание ведется в младших классах на родном языке, а в старших — на русском. А это — немаловажный фактор в формировании культуры гагаузского населения. Малочисленный и почти сплошь неграмотный в прошлом народ за годы Советской власти получил возможность посылать своих детей после окончания

школы учиться в любые города Советского Союза, и язык перестал быть тому препятствием. Выводы В. С. Зеленчука и М. В. Маруневич, к сожалению, очень поверхностны. И это тем более обидно, что оба автора в первом разделе сборника выступают как серьезные исследователи.

Несколько слов о полиграфическом оформлении книги. Оставляет желать лучшего во-производство иллюстративного материала, особенно фотографий. Часто они так тусклы и нечетки, что не поймешь, о чем идет речь. К сожалению, в книге встречаются и досадные опечатки.

Тем не менее, несмотря на отдельные недочеты, хочется поблагодарить и авторов и составителей сборника за интересный и нужный труд и от души рекомендовать его читателю.

М. Я. Салманович

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ ЕВРОПЫ

А. В. Десницкая. *Албанский язык и его диалекты*. Л., 1968, 380 стр.

Книга А. В. Десницкой «Албанский язык и его диалекты» представляет собой отличный пример комплексного лингвистического исследования, в котором широко используются сведения этнографического характера. В результате создается цельная, очень живая картина длительной истории формирования современной лингвистической карты Албании. Действующими силами в этом процессе были не только законы развития самого языка, но и исторические факторы, которые на протяжении двух последних тысячелетий влияли на жизнь народа, формировали его этническую территорию, вели то к сближению, то к разобщению отдельных частей албанского ареала.

Первая часть книги посвящена современному албанскому языку (стр. 8—38). Здесь поставлена проблема исторического места албанского языка в системе индоевропейских языков, дан обзор морфологической структуры языка и освещен чрезвычайно важный для этнографии вопрос о возникновении и развитии современного литературного языка. Во второй части описаны диалекты албанского языка (стр. 39—377). Конкретному описанию диалектов предпослана глава «Общие вопросы албанской диалектологии», затем идет изложение материала по диалектным зонам в направлении от севера к югу албаноязычного ареала, а завершает эту часть специальная глава о говорах албаноязычных поселений за пределами страны — в Греции, Болгарии, на Украине и в Италии.

Вопрос о прямых предках албанцев в научной литературе дебатировался давно. Если не считать пелазгской гипотезы, ныне уже не популярной, на этот счет существует три основных мнения: албанцы — потомки либо иллирийских, либо фракийских племен, либо вышли из этнически однородной иллиро-фракийской среды. Албанские археологи поддерживают иллирийскую гипотезу. Их аргументы основаны на несомненном сходстве предметов современного быта албанцев с материалами, добытыми при раскопках иллирийских курганов (в основном речь идет о серебряных и бронзовых украшениях)¹. Но факт преемственности материальной культуры еще не исчерпывает проблемы этногенеза. Не менее существенен вопрос о преемственности языка. Здесь среди лингвистов нет единодушия. А. В. Десницкая не видит перспективы разрешения этого спора: «Окончательное его решение вряд ли возможно, принимая во внимание крайнюю недостаточность дошедших до нас остатков иллирийской и фракийской речи» (стр. 8). Бесспорно лишь одно: предки албанцев говорили на языке, принадлежавшем к коренным балканским языкам, а современный албанский язык входит в региональное лингвистическое единство, именуемое в языкознании «балканским языковым союзом». А. В. Десницкая отмечает «наличие специальных сходств в построении некоторых грамматических форм у албанского с румынским, болгарским, новогреческим и (в меньшей мере) с сербским языками» (стр. 9).

Албанский языковой ареал подразделяется на две крупные диалектные области: гегскую на севере и тоскскую на юге. Обычно гегов и тосков принято рассматривать как две этнографические группы албанского народа. Современный албанский этнограф Рок Зойзи склонен видеть абсолютное совпадение диалектных ареалов с границами этнографических групп². Мне кажется, что вопрос этот не так уж безусловно ясен. Бу-

¹ «Historia e Shqipërisë», v. I, Tiranë, 1959, f. 50—58; S. Islami, H. Ceka, Nouvelles données sur l'antiquité illyrienne en Albanie, «Studia Albanica», 1964, No 1, p. 91—138; S. Anamali, Le problème de la civilisation haute-médiévale albanaise, Tiranë, 1966.

² Rr. Zojzi, Ndamja krahinore e popullit shqiptar, «Etnografia shqiptare», I, Tiranë 1962.